

Появление ислама, религии, лишенной внешних символов, оказало сильное влияние на умы византийского общества. В спорах с православными монофизитами, враждебные обоготворению святых, с горечью указывали на то, что мусульмане ближе к возвышенному богочитанию, чем погрузившиеся в суеверия христиане. Особенно сильно восставала против огрубения религиозных обычаев возникавшая на границе с халифатом сирийская секта павликиан. Примыкая близко к учению персидских манихеев о двух великих силах, борющихся в мире, божественной и сатанинской, павликиане отрицали поклонение мощам, обращение к святым и Богородице, вооружались против икон: все эти обряды и материальные символы были, в их глазах, служением телесному дьявольскому началу; церковь, наполненную образами, они называли капищем сатаны.

Император Лев III, считавший, себя, в качестве «верховного священника», обязанным наставлять народ в чистой вере, сочувствовал взглядам павликиан. Под впечатлением указа халифа Езида II, приказавшего удалить или закрасить иконы во всех христианских церквях арабской державы, он задумал реформу (преобразование) церковных обрядов. На большом совете во дворце, к которому было приглашено духовенство и высшие сановники, император предложил признать, что изготовление икон — дело дьявольского искусства, что им не должно поклоняться. Патриарх Герман отказался подписать это заявление и был лишен своего сана.

Духовенство разделилось. Значительная часть епископов, особенно малоазийцы, более начитанные и образованные, чем европейские клирики, вооружаясь против колдовства и суеверий, приняли сторону императора. За сохранение икон особенно горячо вступились монахи, между прочим потому, что многие из них читали молитвы у знаменитых образов или занимались изготовлением икон. Так же решительно против реформы, объявленной императором, высказался римский папа Григорий II (715—31), ссылаясь на мнение знаменитого одноименного с ним предшественника, Григория I: «если св. Писание предназначено для тех, кто умеет читать, то иконы — книги для безграмотных.»

В Византии, где так привыкли к послушанию власти, не было сильного сопротивления приказам императора; из церквей стали выносить произведения искусства, закрашивать мозаики, оголять стены. После смерти Льва III в Константинополе провозгласил себя императором его зять Артавазд, опираясь на верных иконам европейцев. Сын Льва III, Константин V (740—75), одолел мятеж при помощи солдат-павликиан, набранных в Малой Азии. Артавазда он ослепил, а патриарха Анастасия, принимавшего сторону восстания, заставил проехать в цирке на осле задом наперед.

Обязанный солдатам-еретикам жизнью и властью, Константин еще более сблизился со своим воинством во время борьбы с болгарями; такой же выдающийся воитель, как его отец, он решил вовсе освободиться от соседства страшной орды, в своих опусто-